

Жизнь на Maximum!

ТОМ
ТУРЧИЧ

БОЛЬШАЯ КРУГОСВЕТНАЯ МЕДИТАЦИЯ

ШАГ ЗА ШАГОМ: 7 лет
6 континентов
45 000 километров

Издательство
АСТ
Москва

УДК 82-344
ББК 86.4
Т89

*Права на перевод получены соглашением с Skyhorse Publishing.
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

Tom TURCICH
The World Walk: 7 Years. 28,000 Miles. 6 Continents.
A Grand Meditation, One Step at a Time

Турчич, Том.

Т89 Большая кругосветная медитация. Шаг за шагом: 7 лет, 6 континентов, 45000 километров / Том Турчич. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Жизнь на Maximum!).

ISBN 978-5-17-184236-9

Том Турчич — десятый человек в мире, который совершил кругосветное путешествие пешком. Он стал звездой соцсетей, о нем пишут крупнейшие новостные агентства.

Сквозь пустыни, джунгли, города и горы Турчич и его верная спутница Саванна шаг за шагом боролись с болью, страхами и сомнениями. Им приходилось искать еду и воду, безопасные места для ночлега и одновременно преодолевать внутренние барьеры. Том боролся с искушением все бросить и вернуться домой, с каждым шагом вперед нащупывать пределы собственной выносливости, физической и душевной.

Какие ценности действительно важны, что дает человеку силы идти вперед? Как радоваться в настоящем, когда будущее туманно и тревожно? На протяжении тернистого пути Том находил ответы на свои вопросы.

Следуя за автором и его смелой собакой, читатель совершает свое путешествие в глубины души, пробуждает скрытую силу, учится слышать внутренний голос и замечать прекрасное вокруг.

УДК 82-344
ББК 86.4

Макет подготовлен редакцией «Прайм»

ISBN 978-1-5107-7901-3 (англ.)
ISBN 978-5-17-184236-9

© 2024 by Tom Turcich
© Хохуля А.,
перевод на русский язык, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	5
Наука жизни	9
Неожиданная поддержка	21
Первые мозоли	30
Извилистая дорожка.	39
Доверяй чутью	48
Саванна.	56
Уроки удачи	65
Путь к уверенности	79
Мужчина с мачете	84
Воры в туннеле	94
Послание в пустыне	101
Опустошение	119
Дорога в Арику	131
На вершине	141
Скорый спуск	144
Умирающая мечта	154
Отголоски страданий	163
Сан-Себастьян.	168
Поиск пути	176
Конвой	180
Покидая Магриб	197
Голубь и кабан.	200
Родственники на Крк	207
Турецкая свадьба.	212

Огни Тбилиси	219
Нападение в горах	226
Мир закрывается	233
Подозреваемый	240
Долина бабочек	251
Финальное приключение	258
Свет новой луны	265
Тупая боль	270
Лесной пожар	277
Зима на Западе	285
Возвращение	301
Эпилог	310
Благодарности	314
Последняя благодарность	317

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вы запланировали путешествие, лучше откажитесь от этой идеи. А если вы читаете эти строки уже в чужой стране, особенно если едете на поезде, велосипеде или идете пешком, забудьте о безмятежности. Поймите, путешествия — это постоянные открытия. Сначала кажется, что вы просто посещаете новые места, разглядываете новые пейзажи, вдыхаете новые запахи, встречаетесь с новыми культурами. Но потом вы осознаете: на самом деле не только мир открывается перед вами, но и вы перед ним. Пока вы в пути, кажется, что нет ничего важнее и лучше этого. Но чем дольше вы странствуете, тем сильнее меняетесь.

Во имя вашей счастливой жизни — останьтесь в родном городе с семьей и друзьями, которых знаете с детства. У вас будут гармоничные отношения, вы будете окружены пониманием и принятием, а любимые места уберегут от потрясений. Ничего плохого в этом нет. В самых разных уголках мира считается нормальным годами жить в одном доме всей семьей. Я встречал много замечательных людей, которые жили в одном и том же месте шесть или даже семь

поколений. Они делились со мной своим теплом и знанием жизни, показывали обычные, но такие чудесные места, о которых иначе я бы не узнал. Для многих уютная площадь родного городка не просто красивый вид, а настоящий коллаж из воспоминаний: трепет, когда впервые берешь за руку возлюбленную; аромат, долетающий с фермерского рынка по вторникам; теплый ветерок, проносимый над уличным кафе вечером. И люди бережно, в мельчайших подробностях, хранят историю родного места. Ведь это очень важно.

Если уехать слишком далеко, можно потерять родной дом. Это неизбежно. Связь с ним ослабнет. Вы перестанете вспоминать его и начнете сравнивать. В Тоскане виды красивее, в Копенгагене удобнее инфраструктура, а в Турции люди приветливее. Но ведь не это важно. С вашим родным городом все в порядке. Тысячи жителей вполне довольны ресторанами, парковками и сплетнями — неотъемлемой частью человеческой жизни, которой они с удовольствием делятся. Проблема не в вашем родном городе, а в вас и в том, каким человеком вы туда вернетесь.

Я родился в удивительном местечке, пригороде Южного Джерси, в нескольких милях от моста Бенджамина Франклина. По нашей отдаленной и тихой улочке не носились машины, а до реки было всего два квартала. Мы с друзьями играли в догонялки, лазали по заборам и крышам гаражей. Я никогда не боялся, что со мной произойдет что-то плохое. В школу ходил пешком. И даже после окончания колледжа вернулся к родителям. До того как я обошел весь мир, и слова плохого о своем родном городе не сказал бы. Да, порой мне хотелось переехать. Хотелось, но неприязни не было.

Только вот из дальних краев люди возвращаются совершенно другими.

В самом начале различия поражают. Все вокруг удивительно. Столкнувшись с новыми традициями и культурами, начинаешь осознавать, что многое из того, в чем ты был

уверен, не имеет отношения к реальности. Понимание этого приходит постепенно. Будто медленно мокнешь под дождем из новых знаний. И тогда становится ясно, как ты наивен и сколького еще не знаешь. В некоторой степени с этими уроками легко смириться, ведь они пробуждают аппетит к новым знаниям. А утолить этот голод можно лишь одним способом: двигаться дальше.

Потом ты посещаешь все более удаленные части мира, и различия становятся менее очевидными. Жизненные уроки уже не бьют мешком по голове. Теперь ты осваиваешь тонкости: прикладываешь ладонь к сердцу в знак раскаяния, молчишь там, где раньше бы говорил, принимаешь приглашения, от которых раньше бы отказался. Спустя время, повстречавшись с разными культурами, и вовсе забываешь, каким был когда-то. Тобой завладевает странная тишина, ты больше не ощущаешь того роста и развития, что приносили путешествия.

Но замечаешь ты или нет, развитие не прекращается. Стоит пропасть чувству роста, как окружающий мир ощущается совершенно иначе. Ты больше не воспринимаешь его через взаимоотношения с отдельными людьми. Ты понимаешь, что человек мал. Что на жизнь в большей степени влияют география, история и государственная политика. Понимание того, что человек не может глобально влиять на свои успехи и неудачи, одновременно успокаивает и огорчает. Это значит, что от политики государственного управления зависит многое. Людям, которые живут под давлением властей, в суровых климатических условиях или в рамках строгих культурных норм, не помогут простые слова или обобщенные советы.

Пожалуй, человек не создан для путешествий. Под этими словами я подразумеваю желание видеть новые места такими, какие они есть, без прикрас, и позволять им навсегда менять тебя. Ты воспринимаешь все иначе, но не можешь

ни на что повлиять и со временем приходишь к очень неприятному выводу: государства играют человеческими судьбами, но ты не в силах это изменить.

Ты всего лишь человек и навсегда им останешься.

Открытие может и не самое впечатляющее, но путь к нему усеян маленькими и большими радостями. Многие из них рождаются благодаря наблюдательности, удивительной, но забытой добродетели, которая даруется лишь тем, кто готов столкнуться с неизвестностью. Наблюдательность приводит не только к синякам и ссадинам. Она освещает путь к мудрости. Чтобы узнать мир, нужно в нем находиться, а для этого придется принять, что ты будешь ошибаться, набьешь шишек и выставишь себя полным болваном.

Я путешествовал необычным образом — пешком вместе со спутницей, собакой по кличке Саванна. За семь лет мы побывали в тридцати восьми странах и преодолели 40233,6 километров. Саванна помогала мне пережить долгие периоды одиночества, особенно в пустынях Перу и Чили. Какой бы паршивый день ни выдавался, все трудности отходили на второй план, когда мы садились у костра и осознавали, какой путь уже проделали.

В этой книге я хочу рассказать о нашем путешествии. Конечно, чтобы прочувствовать каждую минуту пути, нужно прожить все самому. Деталей слишком много: звук, с которым манго падают с дерева, вкус воздуха в северных Андах, удовлетворение от того, что в течение нескольких лет каждый день проходишь почти по сорок километров. Так что эта прогулка по миру — моя и Саванны. Но все же я очень хочу поделиться ее частью с вами.

НАУКА ЖИЗНИ

Снежинки падали в пропасть. В голове все настойчивее стучала мысль о том, что и я вот-вот сорвусь. Двигаюсь медленно, осторожно. Ощупать ногой снег, поставить ступню, распрямиться и только после этого передвинуть другую ногу. Незаметно, с каждым шагом, я сгибался все ниже, и вот ладони коснулись снега. Я оказался на четвереньках.

— Ты что делаешь! — крикнул Хусниддин. — Выпрямись. Нужно стоять ровно.

За шесть лет я побывал в самых разных уголках Земли, но вдруг сделать крошечный шаг оказалось невозможным. Я проваливался. Снег проседал миллиметр за миллиметром. Неужели я умру в горах Киргизии и моя заветная мечта не осуществится?

Большую часть жизни я засыпал с мыслями о смерти. В кровати я накрывал голову подушкой, чтобы ничего не видеть, затыкал уши пальцами, чтобы ничего не слышать, и замирал под одеялом, чтобы перестать чувствовать тело. Казалось, если лежать тихо-тихо, ничего не замечать вокруг,

то удастся почувствовать пустоту смерти. Но всякий раз в голову лезли мысли.

Стоило только подумать о том, что после смерти не будет вообще ничего, а мертвые не могут даже думать, как накатывала жуткая паника и я в ужасе открывал глаза. Волна этого страха неизменно накрывала меня каждую ночь, и в конце концов я перестал представлять смерть. Просто решил, что она непознаваема, и продолжил жить.

Все шло к тому, что я всю жизнь проведу на тихой улочке в уютном доме, окруженный любовью и комфортом. Годы медленно текли; возможно, так и было бы, но в семнадцать мой мирок с грохотом рухнул.

Мы с друзьями сидели в кабриолете, который принадлежал отцу моего приятеля Кевина. Он приглушил музыку, ответил на звонок, затем обернулся и сообщил, что нашей подруги Энн-Мари больше нет.

— Разбилась на гидроцикле.

Чуть позже вся наша компания собралась на лужайке перед домом лучшей подружки Энн-Мари. Там была Шэннон — моя соседка, которая встречалась с Кевином. Она погибнет через три года в автокатастрофе. По ее веснушчатым щекам катились слезы вперемешку с тушью. Голубые глаза другой нашей знакомой, Бритни, покраснели, и с длинных ресниц Кевина то и дело срывались капли.

Не плакал только я.

Через час я перешел улицу, зашел в свою комнату, свалился на кровать и тупо уставился в потолок.

Вскоре были похороны. Процессия обошла квартал кругом. Было жарко, люди обмахивались кто чем. Гроб оказался закрытым, поэтому я так и не взглянул на Энн-Мари в последний раз.

Ее отец Джек был разбит. Даже в мои семнадцать это было понятно. Я знал его с детства. Тихий, вежливый мужчина. Теперь он сгорбился, взгляд стал затравленным,

будто он понял, что больше никогда не сможет дышать свободно.

С тех пор я думал о смерти постоянно. В груди поселилась боль, которую я считал частичкой Энн-Мари, осколком засевшим где-то возле сердца.

Мы жили через квартал. Мой дом был на Морган-авеню, а Энн-Мари жила на Фёрн. В младших классах мы вместе ходили в школу, а в старших у нас было много общих друзей.

Довольно рано я понял, что Энн-Мари лучше меня. Оценки у нее были выше, что не удивительно — по успеваемости меня обгоняли многие. Но самое главное, она была добрее. Настолько, что порой это даже бесило. Я все пытался вытянуть из нее о ком-нибудь хоть одно плохое слово, но так и не смог.

И вот девочка, которая находила хорошее в каждом, умерла в шестнадцать.

Начало двенадцатого класса прошло как в тумане. Мне казалось, что смерть стоит за плечом, а ее рука холодит кожу на затылке. Я практически не спал. Каждую ночь пытался представлять смерть так, как делал в детстве: с подушкой на глазах, зажав уши. Но мысли носились ураганом, и для тишины не находилось места. Оценки поползли вниз, туман сгущался.

Выход нашелся, когда на уроке я увидел фильм «Общество мертвых поэтов» и услышал Джона Китинга.

«*Carpe diem! — ловите момент,
сделайте свою жизнь исключительной!»**

* *Carpe diem* (с лат. «лови момент») — устойчивое латинское выражение, означающее «живи настоящим», «лови мгновение». — *Прим. пер.*

Одноклассник включил всего несколько отрывков, но я понял, что наконец-то нашел противника смерти, которого искал, сколько себя помню. Однажды я исчезну, но, пока жив, испытаю все, что только смогу. Если раньше неотвратимость смерти приводила меня в ужас, то теперь она же открывала путь к свободе. Раз конец предрешен, чего бояться? Только трусости, лени, не познать себя. Не прожить жизнь.

Два слова: «*Carpe diem*» — стали моим маяком.

Я поставил их на заставку телефона. Чиркал в записной книжке на уроках. Следующие несколько недель постоянно пересматривал «Общество мертвых поэтов», чтобы усвоить уроки Генри Торо, Уитмена и Фроста. В свободные дни уезжал на велосипеде на кладбище Харли, на могилу Уолта Уитмена и размышлял. Какие они, непреложные истины жизни? Какие строки оставлю после себя я? Какую непроходимую дорогу выберу?

Вопросы, которые породила фраза «*Carpe diem*», поглотили меня целиком. Чтобы ответить на них, нужно узнать себя, а для этого нужно действовать. Но шли месяцы, ничего не происходило. Я читал новые книги, обдумывал новые мысли и, хотя понимал, что под лежащий камень вода не течет, никак не мог побороть неуверенность, стеснительность и замкнутость.

Переломный момент наступил, когда я стоял на тротуаре и ругал себя за то, что опять не поцеловал Бритни.

У нас было уже три свидания, и поцеловать ее я мог на любом из них, но в очередной раз уныло прошелся по улице, уселся на тротуар и уставился в телефон на два слова, которые будто издевались надо мной. Я миллион раз произносил их, всей душой верил в них, но действовать не решался. Хотя моментов было в избытке, ни один из них я не поймал.

И если я не очнусь, туман не рассеется и остаток жизни я буду с горечью перебирать в голове все, на что так и не решился.

Я собрался с духом и написал Бритни, чтобы она на минутку вышла.

Было прохладно, воздух вырывался изо рта облачками пара, но трясло меня не от холода, а от адреналина. Вот-вот на освещенной веранде мелькнет тень. Думал, снять ли варежку, чтобы прикоснуться к ее щеке, но Бритни уже стояла рядом.

Тогда я поцеловал ее в губы.

Потом она отступила на шаг и улыбнулась. Я растерялся и не знал, что сказать.

— Ну, спокойной ночи, — произнесла она и побежала обратно, в тепло дома.

— Спокойной ночи, — запоздало ответил я вслед.

Моя вселенная расширялась с невероятной скоростью, в сознании возникли мириады возможностей, которые подобно разноцветным ленточкам трепетали на ветру. Я раскинул руки в стороны и поднял глаза к небу. Увидел лишь несколько звезд, но почувствовал, как сквозь меня проносятся миллиарды созвездий. И каждую из этих ярких точек я ощущал так же остро, как слова Фроста, Уитмена и Торо. Возможности, которые мне открылись не были какими-то миражами.

Как обещали великие поэты, они существовали на самом деле и несли в себе потенциал, который и представить сложно.

Я побежал по улице, прыгая и хлопая по всем дорожным знакам.

В тот вечер я осознал важную истину: чтобы жить невероятную жизнь, нужно действовать.

После того поцелуя страх действовать как рукой сняло. Теперь я не только видел возможности, во мне проснулась решимость. Надо же! Если единственный поцелуй так меня зажег, что же случится, когда я наполню неизведанным каждый день?

— Записывайся в команду по плаванию, а? — предложил мой лучший друг Фитц.

Я терпеть не мог ранние подъемы, а холодный бассейн в пять утра — тем более. С тринадцати лет не тренировался в команде. И вдруг мысль о таком приключении показалась увлекательной.

— Мы готовим одноактную постановку, предлагаю тебе поучаствовать, — сказал как-то учитель музыки.

На зиму после школы планов особых не было, так почему бы и нет? Мне досталась роль дерева в спектакле «Однажды на острове». Ну а разве найдется более удачное время, чтобы пообщаться с другими, когда ты всего лишь дерево и слов тебе не дали?

Я чувствовал, что расту, учусь, меняюсь. Каждый новый выбор открывал меня с новой стороны, а ведь раньше, пока я плыл по течению, такого не происходило. Каждое действие задавало курс, и я постепенно узнавал, что для меня значит жить полной жизнью.

Впереди ждало высшее образование. Я получил раннее уведомление о зачислении в Моравский колледж. Но что дальше? Кем я хочу быть?

Одно я знал точно: хочу путешествовать.

За пару лет до этого я участвовал в программе по обмену и месяц жил в принимающих семьях Ирландии и Англии. Это подогрело аппетит, но на самом деле тяга к путешествиям появилась из-за папы.

Есть у нас одна замечательная фотография. Стоит в гостиной, рядом с другой фотографией в рамке. На снимке — молодой папа среди ежевичных зарослей Саус-Поинта, на Гавайях. Волосы ниже плеч, руки тонкие, как ветки кустов, а на ярко-оранжевой футболке написано «секс, наркотики, рок-н-ролл». С детства папа пичкал нас с сестрой премудростями, которым научился, пока четыре года жил в палатке на Гавайях. Ловил рыбу острой и собирал

сахарный тростник на продажу. Мы над ним, конечно, подшучивали за то, что он рассказывает одни и те же байки, но незаметно его интерес передался и нам.

А вот мама в палатке бы точно жить не стала. Она художник, причем не из тех, которые живут непонятно где. Благодаря ей я осознал, что хочу познать мир глубже. Когда я был маленьким, она работала дизайнером игрушек, потом художником-фрилансером, садовником и, наконец, ландшафтным дизайнером. Ее мастерская была пристроена к гаражу. Днем через стеклянную крышу светило солнце, и развешенные повсюду картины буквально искрились и переливались. Часто она работала до самой ночи, и тогда через крышу за ней наблюдали звезды. Как всякий перфекционист, она часто впадала в депрессию: то работала по четырнадцать часов, загоревшись какой-то идеей, то погружалась в пучину уныния.

— Будь внимателен, — говорила она мне в музеях, ботанических садах или когда я просто сидел и читал.

И большую часть жизни я этому совету не следовал. Просто не понимал, что она вообще хотела этим сказать. И только после смерти Энн-Мари наконец осознал смысл фразы. Жизнь происходит прямо сейчас, не зевай, смотри в оба.

Папа шел по жизни танцую, а мама боролась с ней. Я был где-то посередине: достаточно легким, чтобы отправиться на поиски приключений, но достаточно приземленным, чтобы потрудиться и разобраться во всем глубже.

К концу двенадцатого класса я начал искать дешевые способы путешествовать, ведь у меня была всего тысяча долларов. Поначалу наткнулся на людей, которые ездили по Европе на поездах. Предложил эту идею двоюродной сестре Айлин, которая была одного возраста со мной. Она искала любые способы насолить родителям и сбежать от благочестивых устоев своей квакерской